

ПОЛЕВАЯ ЭТНОГРАФИЯ (АРХАИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ, СПОСОБЫ ФИКСАЦИИ)

Ю.М. Ботяков

ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО В СОВРЕМЕННОЙ АБХАЗИИ

Наиболее важной сферой общественной жизни народов адыго-абхазского мира, где до настоящего времени находит себе применение традиционное ораторское искусство, является посредничество в конфликтах (*Абжьацаџаџеаџ* — ‘говорящий между’, *Абжьаџаџа* — ‘посредник’). Органичной частью этой сферы является традиция выступлений на многолюдных народных собраниях и сходах, в ходе которых принимались важные решения, касавшиеся наиболее злободневных вопросов внутриобщинной жизни или даже судеб страны (*Ауза-рауаџ* ‘человек сходов’). Убеждать на общественных сходах и собраниях в правоте своей позиции (или, как это называли абхазы, «давать ум») было для оратора наиболее ответственным в его практике событием.

Выраженная специфика в сфере ораторской деятельности (в нашем случае — участие в примирениях и выступления на сходах) не приводила к узкой специализации оратора. Достигнув высокого уровня, *ауза-рауаџ* являлся своего рода универсалом, способным выступать перед любой аудиторией и решать наиболее сложные вопросы, в том числе и касающиеся урегулирования конфликтов.

Вскоре после включения кавказского региона в состав Российской империи традиционная судебная система была лишена возможности самостоятельного развития. Тем не менее в условиях сосуществования с официальной судебной системой Российской империи, а впоследствии сменявшего ее советского государства, народное судопроизводство не сошло окончательно со сцены общественной жизни, а лишь переместилось на ее периферию, утратив ряд самобытных, ярких черт. При этом сосуществование двух систем носило на протяжении длительного исторического периода различный характер и формы.

Так, в первоначальный период советизации Абхазии высшее руководство в республике осуществлял человек, которого абхазский народ рассматривал в качестве одного из самых авторитетных ораторов. Как известно, Н. Лакоба обладал прекрасным ораторским даром, прославившим его как революционного и партийного трибуна. Но значительно более важным для нас является умение этого человека выступать не на партийных собраниях, а на сельских сходах. Обладая возможностью использовать во всей полноте ресурсы государственной власти, Н. Лакоба при решении ряда государственных вопросов предпочитал прибегать к традиционной системе управления. Во время регулярных выступлений на многолюдных сельских сходах он открыто доказывал свою точку зрения,

используя принятую в народе модель поведения и систему аргументации, понятную аудитории.

Ораторская деятельность Н. Лакобы включала в себя не только публичные выступления, но и рассмотрение тех вопросов, с которыми к нему обращались многочисленные посетители [Лакоба 2004: 99]. При этом Н. Лакоба не только сам вникал в проблемы окружавших его людей, но и прибегал к помощи авторитетных в то время медиаторов. В качестве примера можно привести факт личного обращения Н. Лакобы к известному оратору Тванбе Осману для разрешения конфликта, грозившего перерасти в кровную месть [Гуажба 1999: 57].

Как политический лидер Н. Лакоба выдвинулся в один из драматических периодов истории Абхазии, когда она была оккупирована правительственными войсками меньшевистской Грузии. Встав во главе крестьянской боевой организации «Кераз», Н. Лакоба воспринимался в первую очередь населением родного ему Гудаутского района, а потом и всей Абхазией человеком, с именем которого связана история освобождения Абхазии. Для народа Абхазии, и в первую очередь для крестьян, его авторитет как человека, биография которого не содержала белых пятен, был неоспорим. Отметим, что авторитет, приобретенный Н. Лакоба во время партизанской борьбы с меньшевиками, сродни тому авторитету, которым пользуются в своих селениях в настоящее время признанные командиры грузино-абхазской войны 1992–1993 гг.

С учетом выше сказанного позволим себе предположить, что для большинства крестьян принадлежность Н. Лакобы к большевистской партии не имела принципиального значения, к тому же для значительной части населения имело немаловажное значение то обстоятельство, что именно большевики вели вооруженную борьбу с меньшевистской Грузией.

В личном архиве Р. Гуажба хранится текст нарратива о событии, относящемуся к концу XIX в., согласно которому один из пастухов селения Отхара Гудаутского района стал свидетелем разговора о судьбах Абхазии трех спустившихся с неба пророков. Ими, в частности, обсуждался вопрос о будущем правителе Апсны. По очереди рассматривая претендентов и по разным причинам их отклоняя, небожители смогли сойтись во мнении лишь по поводу кандидатуры Нестора Лакобы. В 1917 г. известнейший оратор Бутба Шахан в своей речи на сходе анхаю (свободных общинников) выразил точку зрения группы авторитетных в Бзыбской Абхазии людей, которым было известно о предсказании, после чего собравшиеся приняли решение идти за Н. Лакобой [ПМА 2008: 21].

Таким образом, рассмотренный нарратив с точки зрения народного сознания подтверждал истинную легитимность Н. Лакобы как лидера абхазов: его приход был предопределен свыше, подготовленное лучшими народными представителями общественное мнение делегировало ему если не всю полноту власти, то, вне всякого сомнения, полное доверие и поддержку. На фоне решения, принятого на общественном сходе, дальнейшее развитие политического сценария его прихода во власть представляется закономерным.

Государственная судебная система Республики Абхазия является наследницей судебной системы советского государства. Добившись политической самостоятельности, руководство страны не пошло по пути кардинальной трансформации государственных институтов. Напротив, государственные органы власти

и управления являются точной копией таковых в России. С точки зрения одного из наших информаторов, в этом сказалось и желание продемонстрировать мировому сообществу адекватность своих государственных институтов другим европейским державам, в конечном счете — показать свою политическую предсказуемость.

Система взаимодействия традиционной ораторской системы и государственных структур власти в Абхазии на современном этапе в общих чертах продолжает те традиции, которые сформировались в данной сфере еще в советскую эпоху. Для большинства сельского населения Абхазии решение незначительных конфликтных ситуаций осуществляется в пространстве обычного права. Таким образом, значительная часть правонарушений, рассматриваемых народными медиаторами, просто не оказывается в поле зрения судебных инстанций. Если злостный нарушитель порядка растрчивает кредит доверия со стороны односельчан, общество может прекратить оказывать ему свое покровительство и решение вопросов о его виновности переходит в компетенцию официальных органов правопорядка.

В качестве наиболее распространенного варианта контакта этих двух систем поддержания правопорядка следует рассматривать ситуацию, когда официальные органы власти сами отдают рассмотрение дела представителям общественности. [ПМА № 1774: 21].

Вряд ли есть основания говорить о возможности более тесного слияния традиционной и официальной систем за счет частичного реформирования последней (подобные предположения имеют место), так как лучшие принципы народной системы поддержания правопорядка не могут прижиться на почве официального судопроизводства. Стержнем системы традиционного института медиаторства является сам медиатор, наделенный полномочиями со стороны общества, в котором он живет. Неоспоримыми достоинствами его личности, позволяющими иметь твердую почву под ногами, является авторитет, всенародно признанное умение разбирать конфликты любой (в идеале) степени сложности. Оратор есть плоть от плоти общества, в разрешении проблем которого он участвует, что порождает и поддерживает его высокий личностный статус. Чиновник, служащий в структуре судопроизводства, находится в совершенно иной системе связей. Представители официальной системы судопроизводства, насколько это вообще возможно в условиях Абхазии, отделены от общества. Такие категории, как общественное мнение, личный авторитет, не являются фундаментом их карьерного благополучия и тем более причиной отстранения от исполнения непосредственных служебных обязанностей.

Неверным было бы рассматривать традиционный институт медиаторства в качестве своеобразного дублирующего органа государственных судебных инстанций или системы, при которой народные посредники, что называется, «доделявают» за нерадивым или несовершенным судом его работу. Несмотря на то что одно и то же преступление может являться объектом рассмотрения официального судопроизводства и народных медиаторов, мы можем провести границу, принципиально разделяющую сферы их деятельности.

Если процесс официального судопроизводства в общих чертах можно свести к решению вопроса об определении степени вины и меры наказания преступни-

ка, то практика народного медиаторства сводится к актуальнейшему вопросу примирения сторон. Пытаясь не допустить эскалации конфликта, народный медиатор не просто выявляет степень вины правонарушителя. Он подсказывает сторонам конфликта единственно возможный путь его разрешения, а значит и их дальнейшего мирного сосуществования на одной территории. Народное медиаторство всегда было нацелено на окончательное разрешение конфликта, что естественным образом подразумевало просчитать ситуацию на отдаленную временную перспективу.

В настоящее время традиционный институт ораторского искусства испытывает выраженное трансформирующее влияние урбанистических процессов. Согласно мнению наших информаторов, в абхазском селе стремительно сокращается тот слой людей, который в совершенстве владеет этим искусством. Речь идет о хранителях специальной нормативной лексики, своего рода своеобразной касте ораторов, которые выступают на различных общественных собраниях именно в традиционной манере. Условий для сохранения подобного типа ораторов становится все меньше. Это связано, в частности, с тем обстоятельством, что современным *аузарауаџ* все чаще приходится сталкиваться перед проблемами, решение которых находится вне пределов их компетенции.

Институт традиционных ораторов все активнее втягивается в политические конъюнктурные процессы, что особенно наглядно было продемонстрировано президентскими выборами в Абхазии в 2004 г. «Политические партии пытаются использовать этих людей для решения частных задач в предвыборных кампаниях. <...> Для нашей среды это новое явление. <...> Как я думаю, многие традиционные ораторы, которые в сельской местности обеспечивают сохранение этой традиции, они не охотно идут на эти вещи, понимая меркантильность, временность этих вещей, а они люди, которые к этому авторитету шли всю свою жизнь» [ПМА 2007: 10].

Наш информант, оценивая ситуацию в своем родном селении, отметил, что та часть представителей слоя ораторов, которая, поддавшись уговорам и посулам, активно включилась в предвыборную кампанию, поддерживая того или иного кандидата, утратила свой авторитет среди односельчан. Для жителей селения они стали представителями той или иной стороны, разделяя ответственность политической силы, которую поддерживали на президентских выборах. Напротив, основная часть слоя ораторов осталась в стороне от участия в предвыборной кампании, понимая, что их пытаются использовать как часть пиар-технологии, что нашим собеседником было расценено как проявление мудрости с их стороны. В итоге они сохранили за собой право рассматривать принимаемые ими суждения и решения как беспристрастные.

Говоря о проведении президентских выборов, нельзя не сказать о финальном, наиболее драматичном этапе, во время которого для преодоления острого политического кризиса власти и общество должны были прибегнуть к традиционному институту ораторского искусства. Речь идет об известных событиях, когда противостояние сторонников двух претендентов в президенты страны достигло опасного предела и грозило перейти в вооруженный конфликт. Согласно точке зрения части наших информаторов, преодоление раскола общества было решено после того, как к собравшейся в Сухуме многотысячной аудито-

рии обратились самые уважаемые ораторы Абхазии. При этом было подчеркнуто, что наиболее удачные речи не сводились к банальным призывам о взаимопонимании, а содержали конструктивное зерно, указывали безальтернативный путь выхода из сложившейся ситуации.

Отметим, что подобная точка зрения не является единственной. Например, другой наш информант высказал по поводу вышерассмотренных событий иное мнение, которое мы склонны рассматривать как одну из наиболее соответствующих действительности форм использования властными структурами традиционного института ораторов. С этой позиции, участие народных медиаторов в процессе урегулирования политического конфликта носит скорее демонстрационный характер (факт привлечения традиционного института) для создания своего рода «психотерапевтического» эффекта. «Я бы не стал это оценивать как результат медиаторства в традиционном варианте, потому что традиционное медиаторство — такой обстоятельный, длинный [процесс] <...> и сам конфликт находится за пределами традиционной сферы. <...> Его нельзя было урегулировать традиционными методами. И он был урегулирован чисто политическими средствами, отчего он несет в себе внутреннюю конфликтность до сих пор. <...> Способ разрешения его привел к тому, что мы не можем до сих пор избавиться от самого противостояния» [ПМА 2008: 54, 55].

Библиография

- Лакоба С.* Абхазия после двух империй XX–XXI вв. Саппаро, 2004.
Гуажба А. Обычное право абхазов как возможный источник методов народной дипломатии // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе: М-лы грузино-абхазской конф. Март, 1999 г. Сочи, 1999.

Источники

- ПМА. Из поездки в Абхазию в 2008 г.
ПМА. Архив МАЭ РАН. К. I. Оп. 2 № 1774.
ПМА. Из поездки в Абхазию в 2007 г.

И.А. Грачев

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАДИЦИИ БЫТОВОГО ЗАБОЯ И РАЗДЕЛКИ ОВЦЫ У САГАЙЦЕВ

В марте-июле 2008 г. нами были совершены две этнографических поездки в Аскизский район республики Хакасия. Целью этих поездок был сбор материалов, касающихся традиций забоя и разделки мелкого рогатого скота. Во время первой поездки, состоявшейся в марте и проводившейся совместно с сотрудником фотолаборатории МАЭ РАН С.Б. Шапиро, был собран материал в п. Аскиз. В июле в с. Усть-Камышта материалы были дополнены и откорректированы. В обоих случаях сбор материала производился в однородной этнической среде в